

3. Прозвищная идентификация по гендерному семейному статусу. Таковы, например, прозвища, которые получают только замужние женщины. Источник их образования – имя мужа. Способ образования – суффиксация с использованием «женского» форманта *-их(а)*. Мотивирующей основой служит чаще всего уменьшительная (неполная, неофициальная) форма мужского имени (*Колиха, Сашиха, Толиха*). Такие прозвища могут употребляться как самостоятельные (ср. шутиливую приговорку: *От, сошлись жо Ларион да Лариха*), но чаще выступают как вторая часть личного женского имени, идентифицируя «замужнюю женщину»: *Маня (Марья, Манька) Петиха, Аксинья Титиха* и т. п. Возможно, данная стратегия прозвищной идентификации – отголосок патриархальных отношений в крестьянской семье, где хозяином считался мужчина (муж), а женщина занимала подчиненное положение. Ср. единственный случай образования мужского прозвища по имени матери: *Миша Дунькин (Его так зовут по имени матери. Она всю жизнь жила без мужа, а мужчина ее жил на две семьи. Ее всегда Дунька звали, а не по имени и отчеству. Слишком простовата она. Потому и сын Миша Дунькин)*.

Каждая стратегия коллективной прозвищной номинации задает свой ценностный регистр в системе социально значимых параметров идентификации личности.

Л. Г. Гулиева

Баку (Азербайджан)

Топонимия и фоновая информация

В последнее время в ономастических исследованиях заметный уклон делается в сторону лингвокультурологического направления. Онимы относятся к тому слою лексики языка, который обладает наибольшей информативностью. Как отмечает В. И. Супрун, «семантическое наполнение онима включает весь объем информации о номинированном объекте, которую дает язык... Если лексическая семантика имен собственных специфична, существенно отличается от аппеллятивов, то разного рода коннотативные и фоновые значения, а также примыкающие к ним этимологические, ассоциативные, сакральные и пр. семы наличествуют у онимов в значительной степени...» [Супрун, 2008, 206]. Лингвокультурологическая информация онимов является фоновой. Взаимосвязь языка и культуры отражает ментальную сущность восприятия человеком окружающего мира.

В онимах аккумулируется опыт человека (сохраняются знания человека о денотате), в них находит отражение в языковой форме та или иная область материальной и духовной культуры народа. Онимы хранятся в памяти человека, являются транслянтами культурной информации. Языковое значение онимов охватывает энциклопедическое знание о предмете, связано с фоновой информацией.

Русская топонимия Азербайджана как определенный стратиграфический пласт [см. об этом: Гулиева, 2008], имеющий хронологически ограниченный период су-

уществования и функционирования на данной территории, непосредственно связана с культурой русского народа, с его мировидением, с его картированием окружающего мира. Изучение русской топонимии Азербайджана, как и любой системы онимов, с когнитивных позиций позволяет показать, как в ней репрезентируется языковая картина мира [см.: Гулиева, 1984; 1990].

Культурологический аспект изучения русских топонимов выявляет основные концепты, формировавшие русскую региональную топонимическую систему, оторванную от своей метрополии, возникшей и существующей в иноязычном ономастическом пространстве, в тюркской среде. Совокупность концептов создали целостную концептосферу онимов, которые используются в определенном регионе, тесно соприкасаются с диалектными концептами (русским островным говором Азербайджана) и носят универсальный характер. Русский человек в другой, незнакомой ему среде, пространстве, создал такую же систему топонимов, семантически и структурно связанную с русской (славянской) ономастической системой в целом. В то же время происходил процесс заимствования как на уровне апеллятивном, так и на проприальном: заимствование чужих слов было обусловлено заимствованием новых предметов и понятий. В русскую систему онимов включаются и заимствованные онимы, оформленные русскими элементами.

Репрезентация топонимических концептов в языке народа, соседствующего с другим этносом на одной и той же территории происходит следующим образом: создается оним на своем языке, дающий представление об основных ценностях (духовной жизни, памяти, традициях и т. д.) в сознании человека. Ономастикон формируется из единиц нарицательной лексики (входящих в местный говор, отражающих местные реалии), имеющих практическую значимость в жизни человека. Русская топонимия Азербайджана создавалась на базе русского островного говора, южно-русского по своей основе [см.: Гулиева, 1984, 52–87], хотя это не единственный источник ее образования. В русской топонимии доминируют онимы, образованные от имен и фамилий первопоселенцев: *Алексеевка, Александровка, Андреевка, Владимировка, Гавриловка, Григорьевка, Ермолаевка, Илларионовка, Кобелевка, Козляковка, Михайловка, Николаевка, Павловка, Сусловка, Шатиловка* и др. Появление подобных топонимов не является случайностью: они отбираются из концептосферы русского языка (в данном случае говора), они представляют собой знания об определенном ониме, являются номинативными универсалиями, связывающими их с ономастической системой метрополии. Они как единицы культурологического фона несут этнопсихологическую и социологическую информацию. При сопоставлении их с другой топонимической системой на том же ономастическом пространстве они позволяют выявить типологические особенности семантической структуры в разносистемных языках. Так, концепт «человек» доминирует в обеих топонимических системах (тюркской и славянской) на территории Азербайджана. Помимо этого, в обеих системах репрезентируются следующие концепты: «фауна и все, что с ней непосредственно связано»; «флора и все, что с ней непосредственно связано»; «то, что можно ощутить, воспринять, запомнить, осознать»; «неорганический мир, вещества».

Русская топонимическая система Азербайджана, которая в настоящее время представляет собой нивелирующийся, закрытый пласт, отражает культурологическую ситуацию в определенный исторический период. Заключенная в ней фоновая информация сохранится, несмотря на изменившийся статус.

Гулиева Л. Г. Русская топонимия Азербайджана. Баку, 1984.

Гулиева Л. Г. Типология семантической структуры топонимиконов разносистемных языков (на материале топонимии Азербайджана). Баку, 1990.

Гулиева Л. Г. Статус русской топонимии Азербайджана на стыке веков // Ономастика Поволжья: Мат-лы XI Междунар. науч. конф. Йошкар-Ола, 2008. С. 33–36.

Супрун В. И. Русские антропонимы в языке и речи // Ономастика Поволжья: Мат-лы XI Междунар. науч. конф. Йошкар-Ола, 2008. С. 206–210.

А. В. Гура
Москва

О некоторых названиях свадьбы у славян*

Название **svatǫba* встречается во всех группах славянских языков. Широко представлены диалектные варианты этого названия с диссимилятивной заменой на стыке морфем первого из двух шумных взрывных (*d* перед *b*) на сонорные *r*, *l*, *n* или *j*: рус. *свар(ь)ба*, словац.-укр. *svárba*, чеш. *svarba*, *svarby*, в.-луж. *swarba* (ср. также словен. прекмур. *posvarbica* 'девушка, дружка невесты'); рус., укр. *свальба*, словац. *swalba*, болг. *свалба*; рус. вят. *сваньба*; рус., укр. *свайба*, словац. *svajba*, чеш. *svajba*.

Особого внимания заслуживает предположение, высказанное еще В. Ягичем, о связи рус. *сварьба* с глаголом *сварить*, *сваривать* 'сковывать' (**svariti* 'сковывать что-л. горячим'), к которому в Древней Руси возводилось и название языческого божества Сварога. Об этом свидетельствует отождествление славянским переводчиком Хроники Малалы античных богов Гефеста («Феосты») со славянским Сварогом и Гелиоса («Солнца», «сына Сварогова», т. е. Сварожича) с Дажьбогом в Повести временных лет под 1114 г. (по спискам Ипатьевской летописи). В этом летописном пересказе Хроники «Феосте» (а следовательно, и Сварогу) приписывается одаривание людей умением ковать металл («въ время царства его спадоса клѣщѣ съ небесѣ, нача ковати оружье, прѣже бо того палицами и каменiemъ бяхуся») и введение единобрачия («Тѣ же Феоста законѣ устави женамъ за единѣ мужь посагати», «единому мюжю едину жену имѣти и женѣ за одинѣ мужь посагати; аще ли кто переступитъ, да ввергуть и в пещь огнену». «Сего ради прозваша им Сварогомъ»). Кроме того, согласно «Слову некоего христолюбца» (предположительно XI в.), Сварог связан с огнем, а также, по всей вероятности, с петухом, приносимым ему в жертву: «Коуры рѣжють, и огневи молятъ же ся, звуче его сварожичьмъ». Петух своей ярко выраженной солярной символикой косвенно подкрепляет соотнесенность Сварога с солнцем (небесным огнем). Огненная символика и кузнечная функция до сих пор сохраняются в новгородской диалектной лексике: *свѣрог* 'огонь'

* Работа выполнена в рамках Программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Семантическая реконструкция народной духовной культуры славян»).